

рует нормы УК, расширяя сферу применения как отсрочки исполнения наказания, так и условного неприменения наказания.

В настоящее время согласно ч. 2 ст. 77 УК отсрочка исполнения наказания может быть назначена на срок от двух до трех лет лицу, осужденному за совершение тяжкого преступления, если такое преступление совершено в возрасте до 18 лет, либо мужчинам, достигшим возраста 60 лет, женщинам, достигшим возраста 55 лет, инвалидам I и II группы, а также лицу, впервые осуждаемому за совершение тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, при полном возмещении обвиняемым до окончания судебного следствия причиненного преступлением ущерба (вреда), возврате неосновательного обогащения.

Таким образом, данная норма позволяет применять отсрочку исполнения наказания и за тяжкие коррупционные преступления (ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 424, ч. 1 ст. 430 УК и др.). Представляется, подобные исключения могли бы быть предусмотрены и в ст. 78 УК, регулирующей назначение условного неприменения наказания. Разумеется, указанные меры должны применяться с учетом политики государства по противодействию коррупции, но исключать их вовсе за указанные преступления из судебной практики было бы нелогично.

Не исключается в таких случаях и возможность применения ст. 88¹ УК, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда). Применение данной статьи в практике правоохранительных органов имеет место.

Комплекс мер уголовной ответственности, разумно и справедливо применяемых к коррупционерам, – это, по сути, то, что может реально служить достижению поставленных уголовным законом целей в условиях борьбы с коррупцией.

Библиографические ссылки

1. Законность и правопорядок. 2007. № 2.
2. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 4: Преступление и наказание.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова и В.М. Хомича. Минск, 2007.
4. Смирнов, Л.Б. О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями / Л.Б. Смирнов // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы IV Рос. конгресса уголов. права, 28–29 мая 2009 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М. : Проспект, 2009.
5. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. М., 1995.
6. Шаблинская, Д.В. Судебная практика применения наказания в виде конфискации имущества / Д.В. Шаблинская // Юрид. журн. 2009. № 1.

О.З. Рыбаключева, начальник учебно-методического отдела Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ХОДЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Любая деятельность правоохранительных органов по применению уголовного закона должна быть направлена на его неукоснительное и точное исполнение, не допуская при этом нарушения прав и законных интересов субъектов уголовно-правовых отношений. Но для того чтобы правильно применять уголовный закон, необходимо его верно понять, точно определить выраженную в нем волю законодателя, иначе говоря, истолковать.

Термин «толкование» многозначен. Во многих науках с его помощью обозначается способ познания различных сторон человеческой культуры или понимание разного рода языковых текстов. Именно в последнем смысле понимается данный термин, когда речь идет о толковании права. Под толкованием права понимается, во-первых, определенный мыслительный процесс, направленный на установление смысла правовых норм, во-вторых, результат указанного мыслительного процесса, выраженный в совокупности суждений, в которых раскрывается, отражается содержание толкуемых норм.

Нельзя не отметить, что относительно понятия «толкование уголовного закона» в научной литературе еще нет достаточного единства мнений. Так, Я.М. Брайнин под толкованием уголовного закона понимал «деятельность, направленную на выяснение содержания, смысла и цели закона» [1, с. 212]. Похожую точку зрения высказывает и Н.А. Лопашенко, раскрывая данное понятие как всестороннее и глубокое уяснение смысла закона, а также смысла терминов, употребленных законодателем [2, с. 126]. Понятие толкования, сформулированное А.В. Барковым, заключается в деятельности различных субъектов толкования «по установлению содержания норм уголовного права» [3, с. 54].

Совершенно справедливо Э.А. Саркисова в определении толкования уголовного закона указывает на цель толкования – правильное применение норм, установленных уголовным законом [4, с. 53]. Схожая точка зрения высказана и А.Н. Комиссаровым, определяющим сущность толкования через цель – «применение уголовного закона в точном соответствии в волей законодателя» [5, с. 45].

Часто толкование уголовного закона определяется как двухкомпонентное понятие. Так, А.В. Наумов полагает, что «толкование любого нормативного акта, в том числе и уголовного закона, есть уяснение и раскрытие воли законодателя, выраженной в тексте закона» [6, с. 128]. А.И. Бойцов уточняет двухкомпонентную структуру понятия толкования и говорит о толковании-уяснении как о процессе, направленном на установление содержания уголовного закона, и о толковании-разъяснении как о результате данного процесса, объективированного в той или иной форме [7, с. 312]. Аналогичную точку зрения высказывает и А.И. Чучаев, проводя отличие по целям толкования: толкование-уяснение предполагает толкование нормы права субъектом толкования для себя, с целью правильного применения им самим закона; толкование-разъяснение, напротив, имеет место, когда оно дается для применения закона другими органами [8, с. 55].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что при определении толкования уголовного закона только как уяснения, игнорируется деятельность по разъяснению уголовно-правовой нормы, и наоборот, при признании в качестве толкования лишь деятельности по разъяснению права не учитывается мыслительный процесс. В этой связи следует, видимо, согласиться с мнением теоретиков права, определяющих толкование закона как деятельность по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, вложенного в них законодателем, в целях их правильной реализации [9, с. 360].

Сложный процесс применения правовой нормы как одного из способов ее реализации условно делят на определенные стадии, что позволяет тщательно анализировать любую из них, повышая тем самым эффективность правоприменительной деятельности в целом. Вместе с тем в юридической литературе нет единого подхода к вопросу о выделении толкования правовой нормы в самостоятельную стадию правоприменительной деятельности. Традиционно в литературе по общей теории права толкование закона рассматривается как составная часть деятельности по познанию, уяснению и разъяснению содержания правовых норм и при этом выделяется в качестве отдельной стадии правоприменения. Однако отдельные авторы отмечают, что толкование юридических норм выходит за рамки применения права и используется в процессе правотворчества, при систематизации законодательства, а также при любой форме правореализации [9, с. 360].

Иную точку зрения высказывает А.В. Наумов, который считает, что толкование правовой нормы не является самостоятельной стадией применения уголовного закона, а «входит в стадию установления правовой нормы, подлежащей применению» [6, с. 54]. При этом им выде-

ляется два вида толкования – толкование правовой нормы непосредственно в процессе ее применения и толкование общего характера, разъясняющее смысл нормы в целом без привязки к конкретному случаю [6, с. 128].

Однако если рассматривать толкование уголовного закона комплексно, как это делают представители общей теории права, то следует прийти к выводу о том, что толкование уголовно-правовой нормы применительно к конкретной жизненной ситуации, когда требуется принятие решения по существу (решение вопроса об уголовной ответственности конкретного лица за совершение им общественно опасного деяния), так или иначе обуславливается толкованием уголовного закона, осуществляемым при любой форме правореализации, в процессе правотворчества, систематизации законодательства. В этой связи необходимо отметить, что толкование уголовного закона выходит за рамки его применения только в конкретной ситуации и является составной частью реализации уголовного закона, а также позволяет точно уяснить и разъяснить смысл и содержание уголовно-правовой нормы, применяемой в конкретной ситуации.

Несомненно, право толковать законы принадлежит всем лицам, однако юридическое значение результатов такого толкования неодинаково. В зависимости от статуса субъекта, толкующего правовую норму, и вытекающей отсюда юридической силы толкования выделяют официальное и неофициальное толкование.

В зависимости от субъектов, принимающих акт толкования, официальное толкование разделяют на аутентическое и делегированное. Аутентическое толкование представляет собой толкование, осуществляемое органом, который издал соответствующий нормативный акт. Делегированное (иначе его называют легальное) толкование осуществляется субъектом, который сам не принимал толкуемую норму, но правомочен осуществлять эту деятельность в силу специальных полномочий.

Официальное толкование в общей теории права в зависимости от того, к какому кругу вопросов относится разъяснение, может также носить характер нормативного и казуального [9, с. 367]. Нормативным считается толкование, результаты которого распространяются на неопределенный круг лиц и случаев, т. е. такое толкование, которое подобно норме права имеет общий характер. Казуальным признается толкование, которое дается судебным или иным компетентным органом по поводу и в связи с рассмотрением конкретного дела и является формально обязательным лишь при его разрешении.

Так, сторона обвинения и суд Центрального района г. Могилева наряду с другими квалифицирующими признаками квалифицировали дей-

ствия П. по ч. 2 ст. 430 УК, а действия К. – по ч. 6 ст. 16, ч. 2 ст. 430 УК и по признаку повторности. П., работая директором предприятия «Могилевский рынок», с целью вымогательства взяток упразднил систему приема, регистрации заявлений и установления очередности на выделение торговых мест на рынке, наделил себя полномочиями по единоличному их распределению на рынке «Заднепровский» и тем самым поставил предпринимателей в зависящие только от его воли условия, распределяя торговые места за взятки по своему усмотрению. При этом П., в том числе и для сокрытия своего участия в совершении преступлений, поручил инспектору рынка «Заднепровский» К. подыскивать предпринимателей, нуждающихся в торговых местах на рынке, доставлять от них заявления на выделение мест и предметы взятки, а им – документы, подтверждающее право на торговые места. Создав условия для взятничества, П. в соучастии с К., действовавшим как пособник, систематически получал взятки за решение вопроса о выделении торговых с мест.

Могилевский областной суд, осуществляя казуальное толкование уголовного закона применительно к данному уголовному делу, с такой квалификацией не согласился и обоснованно исключил признак «повторность», «поскольку, как установлено судом, действия П. и К. определялись единым умыслом на систематическое получение взяток, общим источником которых являлась их деятельность на рынке, и составляли в совокупности продолжаемое преступление» [10, с. 471].

Под неофициальным толкованием понимается разъяснение смысла правовых норм, осуществляемое не уполномоченными на официальное их разъяснение органами и лицами. Неофициальное толкование может быть доктринальным (научным), профессиональным (компетентным), обыденным. Доктринальное толкование осуществляется научными учреждениями либо учеными в области права, профессиональное – сотрудниками правоприменительных органов, обыденное – любым лицом, не обладающим глубокими познаниями в области права.

В теории уголовного права такая стройная классификация толкования правовых норм по субъекту не нашла своего широкого распространения¹. Так, А.В. Наумов выделяет только легальное, судебное и доктринальное толкование [11, с. 107], причем к судебному толкованию он относит и отдельные судебные решения по конкретным уголовным делам, и руководящие разъяснения пленума Верховного суда. Аналогичную точку зрения высказывает А.Н. Комиссаров, называя судебное толкование казуальным [5, с. 45], и Н.А. Лопашенко, выделяя

¹ Аналогичную классификацию толкования уголовного закона по субъекту осуществляет А.И. Бойцов [7].

вместе с тем аутентическое толкование как одну из форм легального толкования уголовного закона, а также подразделяя судебное толкование на три разновидности – конституционно-судебное (толкование, которое дает Конституционный суд), казуальное и толкование, осуществляемое пленумом Верховного суда в виде разъяснений по различным категориям дел [2, с. 128].

Анализ точек зрения отечественных ученых в области уголовного права также свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению видов толкования по субъекту. Так, Э.А. Саркисова выделяет аутентическое, легальное, одной разновидностью которого выступает судебное, и доктринальное толкование [4, с. 53], А.А. Примаченок – аутентическое, легальное, судебное, а также доктринальное, обыденное и профессиональное [12, с.15]. Более полно проводит классификацию толкования уголовного закона по субъекту А.В. Барков, называя легальное, аутентическое, судебное и доктринальное толкование; при этом в зависимости от юридических результатов, к которым приводит толкование уголовного закона, им выделяется официальное и неофициальное толкование. Официальным является легальное и судебное толкование, последнее, в свою очередь, бывает нормативным и казуальным [3, с. 56–57].

На наш взгляд, в зависимости от субъектов толкование уголовного закона можно подразделить на *официальное* (дается уполномоченным на то субъектом, содержится в специальном акте, влечет юридические последствия), которое бывает нормативным (распространяется на все дела определенного вида) и казуальным (обязательно только для данного конкретного случая), и *неофициальное* (не имеет юридически обязательного значения и лишено властной силы), которое также подразделяется на обыденное, профессиональное и доктринальное. В свою очередь, нормативное толкование классифицируется на аутентическое (дается тем же органом, который принял УК) и делегированное (легальное) (исходит от уполномоченных на то субъектов).

Многие указанные выше виды толкования уголовного закона единообразно понимаются в теории уголовного права, поэтому внимание в нашей работе акцентировано на тех вопросах исследуемой темы, которые не получили однозначного решения в уголовно-правовой литературе и встречаются в следственной и судебной практике.

Исключительно важное значение в единообразном толковании уголовно-правовых норм имеет определение терминов, используемых в уголовном законодательстве. Термин (от лат. terminus – предел, граница) – это словесное обозначение понятия в пределах специальной сферы. Следовательно для правильного толкования уголовно-правовых

норм необходимо четко представлять назначение и смысл включенных в их содержание терминов.

Законодатель Республики Беларусь предпринял попытку разъяснения отдельных уголовно-правовых терминов в ст. 4 УК, а также сделал ремарки в Особенной части УК. Так, например, понятие крупного размера (ущерба в крупном размере) применительно к гл. 24 УК дано в ч. 3 примечания к данной главе, а применительно к гл. 25, 26 и 30, разд. X УК – в примечаниях к данным главам и разделу, при этом размер превышения базовой величины во всех указанных случаях является одинаковым – в 250 и более раз.

Вместе с тем следует заметить, что далеко не все термины, оценочные признаки составов преступлений нашли свое отражение в ст. 4 и примечаниях Особенной части УК, многие термины нуждаются в аутентическом толковании. Так, например, Конституционный суд Республики Беларусь считает, что определение понятия «доход» применительно к незаконной предпринимательской деятельности должно содержаться в УК «либо должно быть раскрыто путем толкования этого понятия применительно к уголовным правоотношениям законодательным органом» [13].

Поскольку Общая часть УК содержит общие положения и предписания, которые носят обязательный характер для всех норм Особенной части, целесообразно воспользоваться опытом ряда зарубежных стран, где в уголовных кодексах содержатся разделы (главы), в которых даются определения терминов и понятий уголовного права (например, в УК ряда штатов США, в УК Республики Казахстан). Такой метод аутентического толкования облегчит правоприменительную деятельность и разгрузит УК от излишних норм.

В качестве субъектов делегированного (легального) толкования уголовного закона могут выступать те органы государства, которые участвуют в осуществлении уголовного процесса и которым законодатель предоставил специальные полномочия (постоянные или отдельное поручение) по толкованию уголовного закона. Так, согласно ст. 51 Кодекса о судостроительстве и статусе судей пленум Верховного суда Республики Беларусь уполномочен рассматривать материалы обобщения судебной практики, судебной статистики и давать в порядке судебного толкования общим судам разъяснения по вопросам применения законодательства. В этом случае к актам делегированного толкования следует относить постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь и обзоры судебной практики.

Вместе с тем в правоприменительной практике достаточно трудно определить ту грань, которая отделяет делегированное толкование от

правотворчества. К сожалению, этот вопрос не только теоретический. Подмена одного понятия другим может привести к нарушениям законности в судебной практике, особенно когда это происходит на уровне разъяснений в постановлениях пленума Верховного суда. Так, Конституционный суд Республики Беларусь в своем решении от 12 ноября 2002 г. № Р-151/2002 «Об определении понятия «доход» для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности» обращает внимание на то, что пленум Верховного суда Республики Беларусь, разъясняя в постановлении от 28 июня 2001 г. № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» понятие дохода, выполнил функцию законодателя [13].

В соответствии с п. 11 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 1994 г. № 9 «О судебной практике по делам об изнасиловании» действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 2 ст. 166 УК независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо в силу требований ст. 27 УК или по другим предусмотренным законом основаниям [14]. Аналогичное разъяснение содержится и в п. 24 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [15].

Из приведенных разъяснений пленума Верховного суда Республики Беларусь следует, что в случае, если только один участник группы является субъектом преступления, а остальные лица в силу своей невменяемости или малолетства таковыми не являются, его действия необходимо квалифицировать как совершенные группой лиц. В этом случае такие посягательства квалифицируются как групповые по способу совершения преступления, а не в качестве одной из форм соучастия.

Применительно к делам об убийстве пленум Верховного суда Республики Беларусь дает совершенно иное толкование групповому посягательству. Так, в п. 19 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139)» четко указано: «По пункту 15 части 2 статьи 139 УК квалифицируется убийство, совершенное группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой» [16], т. е. в этом случае групповое посягательство рассматривается как одна из форм соучастия в преступлении.

Анализ указанных выше постановлений пленума Верховного суда Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что судебный орган вышел за предоставленные ему рамки – давать разъяснения су-

дам по вопросам применения законодательства и фактически создал нормы уголовного права, что не входит в его компетенцию. Вместе с тем следует помнить, что механизм правового государства строится на принципе разделения властей и следовательно судебная власть не может заниматься правотворчеством. Ее функция – осуществление правосудия. Поэтому делегированное толкование пленума Верховного суда Республики Беларусь должно осуществляться в целях правильного и единообразного понимания и применения уголовного закона, но не в целях его поправок и дополнений.

В заключение необходимо отметить, что вопросы толкования уголовно-правовых норм являются актуальной и достаточно сложной проблемой в уголовном праве, так как от понимания воли законодателя зависят многие аспекты правоприменительной деятельности по реализации уголовной политики в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. М., 1967. 240 с.
2. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. СПб., 2004. 339 с.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Хомича. Минск, 2002. 496 с.
4. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005. 592 с.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 480 с.
6. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм / А.В. Наумов. Волгоград, 1973. 177 с.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. 1064 с.
8. Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. А.И. Рарога. М., 2002. Т. 1. Общая часть
9. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск, 2009. 552 с.
10. Судебная практика по уголовным делам: вопросы уголовного и уголовно-процессуального права: сб. действующих постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, обзоров судеб. практики, постановлений и определений кассац. и надзор. судеб. инстанций за 1999–2004 гг. / сост. Н.А. Бабий ; отв. ред. В.О. Сукало. Минск, 2005. 736 с.
11. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. М., 1996. 560 с.
12. Примаченок, А.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть / А.А. Примаченок. Минск, 2008. 112 с.

13. Об определении понятия «доход» для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 12 нояб. 2002 г., № Р-151/2002 / КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2009.

14. О судебной практике по делам об изнасиловании : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 1994 г., № 9 / КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2009.

15. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 / КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2009.

16. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 / КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2009.

Л.И. Кукреши, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

ДЕФЕКТЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

Эффективность правового регулирования всех процессов функционирования государства зависит от многих факторов, в том числе от качества принимаемых законов и эффективности их реализации. Общеизвестным в теории права считается то, что одной из форм реализации права, причем наиболее сложной, является его применение. Именно в процессе правоприменительной деятельности должностных лиц и государственных органов раскрывается подлинно правовой потенциал действующих законодательных и подзаконных актов [1, с. 11; 2, с. 18; 3, с. 401].

В отличие от других форм реализации права (исполнения, соблюдения, использования) правоприменительная деятельность возникает в случаях, когда: 1) субъективные права и обязанности не могут возникнуть без властной деятельности компетентных органов государства; 2) существуют определенные препятствия к осуществлению субъективного права или нет добровольного исполнения юридических обя-